

Анатолий ЛЕОНОВ

Тейне.

Двойная игра

Реальная история
советского
разведчика,
изменившего ход
войны

Офицерская честь

Анатолий Леонов

Гейне. Двойная игра

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов А.

Гейне. Двойная игра / А. Леонов — «Эксмо»,
2026 — (Офицерская честь)

ISBN 978-5-04-250420-4

Боевой роман о советском разведчике Александре Демьянове, внедренном в разведывательную сеть абвера под видом убежденного монархиста. Его бесценные сведения, в частности, решили исход Сталинградской битвы в нашу пользу. Он должен выглядеть предателем настолько убедительно, чтобы поверили не только враги, но и свои... На основе реальных событий. В январе 1942 года советский разведчик Александр Демьянов (псевдоним Гейне) под видом перебежчика переходит через линию фронта на сторону немцев. Так начинается спецоперация НКВД «Монастырь». Согласно плану командования, Демьянов должен выступить как представитель подпольной монархической организации «Престол», которая предлагает абверу свои услуги в борьбе с большевиками. Немцы жестоко проверяют Александра. Но он проходит все испытания, получает кодовое имя германского агента, радиопередатчик и забрасывается в советский тыл. Фиктивная организация «Престол» приступает к работе, а для Гейне начинается долгая и опасная радиоигра, которая в скором времени изменит ход всей войны...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-250420-4

© Леонов А., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	11
Глава третья	16
Глава четвертая	20
Глава пятая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Анатолий Леонов

Гейне. Двойная игра

*Этот роман, как и все предыдущие и все будущие, посвящен моей
единственной и неповторимой, моей жене!*

© Леонов А., 2026

© ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава первая

Четверг. 15 января 1942 года. Окраина Можайска. Деревня Чертаново

Снежная буря, бесновавшаяся всю ночь, с первыми лучами солнца быстро сошла на нет. Это событие, при других обстоятельствах положительное и бесспорно весьма приятное, в данном случае ни к какой радости не располагало. Казалось, что даже небо вдруг застыло и насмерть примерзло к горизонту. Вслед за метелью пришла звенящая тишина. Медленно и неотвратимо наползала она со стороны леса, обжигая хрустальным жалом арктического холода. Тишина была почти абсолютной – и оттого пугающей до жути. Обескураженные и деморализованные последними неудачами на фронте, вчера еще наглые и воинственные солдаты вермахта мгновенно открыли в себе черты убежденных пацифистов, проклиная в частных разговорах бессмысленную войну, дикую Россию и военное начальство, не обеспечившее их зимним обмундированием. Чем сильнее трещала от мороза их шкура, тем пессимистичней становились их мысли относительно своего будущего. А между тем ртутный столбик термометра, висевшего на стене операционного корпуса мобильного полевого лазарета, опустился до минус 42 градусов Цельсия. Шел 208-й день войны.

В большом, по-немецки добротном блиндаже командира 3-го батальона 88-го гренадерского полка 15-й пехотной дивизии вермахта майора Отто Лауденбаха было тепло, уютно и возбуждающе пахло хорошим утренним кофе. Масляный фонарь под потолком. По-военному аскетичная, однако не лишенная определенного уюта обстановка офицерского жилища. Для лучшего освещения и на случай самообороны в одной из боковых стен блиндажа было прорублено окно, на 2/3 прикрытое земляным валом, оставлявшим сверху «амбразуру» для ведения огня. К оконной раме был прислонен ручной пулемет MG-34 с цилиндрической коробкой на 50 патронов, а на гвоздике рядом с шинелью майора висел в кобуре офицерский «Вальтер». В остальном же убранство помещения выглядело вполне мирным.

Пышущая жаром железная печь с крючками для подвешивания котелков. Грубо сколоченный стол и такая же скамья. Нехитрое обустройство комнаты дополняли: резная этажерка с патефоном и дюжиной пластинок в пожелтевших от времени бумажных конвертах и кухонный шкафчик, наполненный разнообразной посудой, подобранной на пепелищах окрестных сел. Вместо обычных в полевых условиях двухъярусных нар в углу стояла односпальная металлическая кровать с продавленной панцирной сеткой, поверх которой лежали сразу три ватных матраса, покрытых ржавыми разводами, и аккуратно вчетверо сложенное верблюжье одеяло грязно-синего цвета.

Хозяин блиндажа сидел на лавке, опершись локтями о край стола, и блаженно вдыхал пьянящий аромат любимого каждым истинным немцем напитка. Это был настоящий Lavazza, с итальянского черного рынка. В Германии такой кофе достать было почти невозможно.

Гость Лауденбаха, адъютант командира полка капитан Вендт, сидел на кровати и беспечно наблюдал за отработанными до монотонности движениями батальонного ординарца обер-фельдфебеля Германа Линдера, разливавшего дымящийся в кастрюльке кофе по жестяным армейским кружкам. Закончив, франтоватый обер-фельдфебель щелкнул каблуками начищенных до зеркального блеска сапог и молча вышел в соседнюю комнату, отделенную от командирской парой сцепленных между собой плащ-палаток.

– Угощайтесь, капитан!

Майор сделал гостю пригласительный жест.

– С удовольствием! – ответил тот, беря горячую кружку обеими руками, желая согреть замерзшие на морозе пальцы. – Как нельзя кстати, дорогой Отто, – добавил он, осторожно отхлебывая маленькими глотками, – на улице дьявольский холод, а местные утверждают, что будет только хуже! Пугают? Что вы об этом думаете, майор?

Вместо ответа Лауденбах подошел к шифоньеру, нашел нужную пластинку и резкими движениями завел патефон. Помещение наполнилось ритмичным свингом «Бравур-оркестра» Ганса Бунда. Слащавый и звучный тенор солиста Руди Шурике исполнял популярный в рейхе шлягер «Георгин». Убедившись, что теперь разговор будет сложно подслушать, майор вернулся на прежнее место.

– Нет, дорогой Вольф, – произнес он вполголоса, – надо честно признать, что русская погода может стать одним из главных факторов, который не позволит нам в самом ближайшем времени выиграть эту чертову войну. В России против нас, немцев, восстала сама природа! Летом тут невозможно воевать из-за жары и пыли, осенью – по причине распутицы, а зимой стоят арктические морозы! Часовых приходится менять каждые 10–15 минут. Оружие замерзает, моторы не запускаются. Башни у танков не проворачиваются... Гнусная страна!

– Ваши слова, Отто, только подтверждают мнение полковника фон Цангена, – поддержал разговор слегка разомлевший от тепла капитан. – Он утверждает, что причины наших неудач под Москвой исключительно в географии!

– То есть? – поперхнулся горячим кофе майор Лауденбах.

– В Берлине просто не представляли себе, что Россия такая огромная и дикая. Как результат – мы не успели выиграть компанию до морозов!

Майор бросил удивленный взгляд на собеседника, словно проверяя, не шутит ли тот, заявляя подобное, но, поняв, что капитан говорит совершенно серьезно, раздраженно пожал плечами.

– Вы знаете, Вольф, как я уважаю нашего командира, – произнес он, мрачно разглядывая кофейную гущу на дне кружки, – но хотелось бы узнать, как теория полковника объясняет беспорядок в руководстве вермахта, когда половина численного состава вверенного ему полка страдает от обморожений, из Берлина вместо теплой одежды шлют поезда с французским вином, которое от мороза еще в Бресте превратилось в куски красного льда? В конце концов, из той же Франции вместо вина могли бы прислать коньяк. Хотя какой-то смысл. Солдаты могли бы ненадолго согреться! А так...

Майор обреченно махнул свободной рукой и резко поставил пустую кружку на край стола. Кружка подскочила вверх, как мина-лягушка, и дребезжа свалилась на пол, запачкав струганные доски остатками кофе.

– Разделяю ваше возмущение, майор! – тихо произнес капитан Вендт, дружески потрепав по плечу своего собеседника, и добавил еще тише: – Я вообще считаю, что любого интенданта после года службы смело можно ставить к стенке...

При его последних словах музыка закончилась, и за занавеской послышались голоса людей, явно о чем-то спорящих. Спустя короткое время спор прекратился, и в комнате тут же возник обер-фельдфебель Линдер с докладом.

– Разрешите, господин майор? – трескуче щелкнул он каблуками.

– Разрешаю! – кивнул Лауденбах.

– Осмелюсь доложить, там фельдфебель Голлас из 6-й роты какого-то русского приволок. Говорит, шел на лыжах по минному полю, как Христос по воде!

– Диверсант?

– Перебежчик.

– Военный?

– Никак нет, гражданский.

– Интересно! – Лауденбах удивленно поднял брови. – А по какому минному полю бежал? Нашему или противника?

– Русскому, господин майор.

– Предатель, да еще и кретин! – презрительно поморщился Лауденбах. – Ладно, посмотрим, что за гусь?

Линдер выглянул за занавеску и с задором произнес:
– Йозеф, тащи сюда своего «инженера»!

* * *

Здоровый, как симментальский бык, фельдфебель в белом маскхалате с расстегнутым воротом, через который виднелся висящий на шейной ленте Рыцарский крест, едва не сорвал перегородку из плащ-палаток, неуклюже протискиваясь в низкий и узкий проем между помещениями блиндажа. Перед собой он толкал долговязого и сутулого человека, одетого по-городскому, что никак не предполагало за собой лыжной прогулки в утреннем лесу. По задержанному было видно, что он сильно подавлен и растерян. Очевидно, он предполагал иную встречу с цивилизованным и культурным народом, планируя свой побег за линию фронта.

Майор Лауденбах бросил на перебежчика высокомерный взгляд и огорошил его по-солдатски простым вопросом в лоб на неплохом русском языке:

– Кто вы такой и почему решили предать родину в тот момент, когда ваши соплеменники храбро бьются с доблестными войсками вермахта?

Русский протестующе замотал головой и поспешно ответил на отличном берлинском диалекте:

– Я не военный. Сражаться – не мое дело!

– А предавать? – последовал желчный вопрос.

– Я не предатель, – довольно резко возразил задержанный, болезненно поморщившись, – меня зовут Александр Демьянов, я потомственный дворянин и убежденный монархист. Можете проверить, господин майор. Меня хорошо знают в Берлине.

– Допустим, – сухо ответил Лауденбах. – В таком случае зачем вы здесь? Какова ваша цель?

– Я курьер монархической организации «Престол». Наша организация давно борется с большевиками и желает сотрудничать с Великой Германией.

Майор Лауденбах выглядел уставшим и безразличным.

– Во имя чего? – спросил он равнодушно.

– Во имя возрождения России! – Глаза Демьянова блеснули огнем.

Ни слова, ни особый блеск в глазах перебежчика никак не тронули очерстневшее сердце солдата. Лауденбах пожал плечами:

– Это бессмысленно. Никакой России после нашей победы не будет. Никогда!

Демьянов молчал, растерянно переступая с ноги на ногу. Неизвестно, чем бы закончился для него этот так неудачно начавшийся разговор, если бы не капитан Вендт. В отличие от майора, адъютант полковника Густава фон Цангена проявил к перебежчику живой интерес.

– Напрасно, Отто, – покачал он головой. – Этим человеком наверняка заинтересуются в штабе корпуса!

Капитан радушно усадил Демьянова за стол рядом с собой, налил ему остатки кофе и начал расспрашивать о том, откуда перебежчик так хорошо знает немецкий язык и что это за организация – «Престол».

Лауденбах демонстративно встал из-за стола, всем своим видом показывая, что не желает сидеть рядом с предателем, даже если это предатель твоего врага. Майор свято чтит кодекс чести, завещанный ему двенадцатью поколениями благородных швабских предков. Он подошел к здоровяку фельдфебелю, все это время беспечно стоявшему посередине блиндажа, и спросил, слегка понизив голос:

– Каким образом русский мог перейти минное поле?

– Чудом, господин майор! – Голлас пожал плечами. – Мы проверили. Проходов не было!

– А лыжи? – не унимался командир батальона.

– Проверили сразу после задержания, – скривил губы в подобие улыбки суровый фельдфебель, – обычные лыжи. Не армейские...

Майор задумался.

– Идите, фельдфебель. Вы свободны, – он похлопал унтера по плечу.

Йозеф Голлас отдал честь, неловко стукнул пятисантиметровыми деревянными подошвами войлочных караульных бот и, сотрясая пол своим тяжелым весом, вышел из блиндажа. Майор Лауденбах вернулся к столу и некоторое время молча смотрел на Демьянова. В ответ Демьянов и капитан Вендт прекратили разговор, устремив свои взоры на майора. После весьма затянувшейся паузы разговор продолжился:

– Лично для меня, любезный, вы – обычный предатель, – с тевтонской прямоотой заявил Лауденбах, спесиво выпятив нижнюю губу. – А лучшее, чего заслуживает предатель, – это пуля в лоб. Но поскольку идет война, то любой враг врага автоматически становится союзником.

Майор рукой поманил ординарца.

– Я вас не расстреляю, – великодушно сообщил он Демьянову, – это нецелесообразно. А кроме того, вам чудесным образом везет. Видимо, то, зачем вы здесь, угодно высшим силам, а я не настолько глуп, чтобы вставать на пути божественного провидения!

Майор повернулся к терпеливо ожидавшему его приказа обер-фельдфебелю Линдеру.

– Вот что, Герман, посадите этого счастливчика на гауптвахту. Завтра его отвезут в Гжатск. Это не наше дело. Это дело абвера. Пусть они и решают.

Гауптвахта представляла собой хозяйственный блиндаж в тылу батальона, пристроенный к стене лазарета. Скучное тепло проникало в него через щели в бревнах, кроме того, внутри находился ворох какой-то рваной и грязной рухляди, сваленной по углам, в которой с трудом узнавались шинели, кители и галифе. Большая часть из них была прошита пулями и окровавлена. Видимо, вещи эти сюда приносили санитары из лазарета, сняв окровавленные ошметки с тел раненых и скончавшихся солдат.

Обер-фельдфебель Линдер толкнул Демьянова в спину прикладом карабина.

– Давай, «инженер», обживайся! Доживешь до утра, поедешь в Гжатск. Там условия получше будут!

Линдер захлопнул дверь, и наступила зловещая полумгла. Пленник похлопал себя по карману пальто и достал зажигалку, почему-то не изъятую у него при обыске. Непослушными, замерзшими пальцами он долго крутил колесико, высекая искры. Наконец, слабый огонек осветил мрачное помещение и слегка согрел руки. Осмотр гауптвахты был недолгим. Сразу выяснилось, что единственным шансом спастись от адского мороза и дожить до утра была та самая куча грязного армейского белья.

Выбора у Демьянова не оставалось, благо излишней впечатлительностью он не страдал, поэтому, соорудив более или менее удобную берлогу, он закопался в нее с головой. Несмотря на то что время на часах едва перевалило за полдень, ничего лучше сна он придумать не мог. Устраиваясь поудобнее, Демьянов вдруг подумал, что осенью 39-го в германском посольстве прием был куда теплее, да и немцы были намного приветливей нынешних солдафонов!

Глава вторая

Москва. Воскресенье. 4 октября 1939 года

Вечером у бывшего особняка Гавриила Тарасова на Спиридоновке, где с недавних пор обосновалось германское посольство, было многолюдно. К дому то и дело подъезжали городские такси и извозчики-лихачи на покрытых блестящим лаком колясках с шинами-дутиками. Иностранные авто перемежывались с машинами из ведомственных гаражей. ГАЗы и ЗИСы соседствовали с «ситроенами», «кордами» и «мерседесами». Из них выходили ослепительные дамы в драгоценных мехах, которых сопровождали элегантные мужчины, одетые по последней парижской моде. Все они спешили на прием, устроенный для московской богемы по случаю наступившего в рейхе Erntedankfest, или «Праздника урожая», – одного из главных национальных торжеств, отмечаемых немцами с особой пышностью.

* * *

Зайдя со стороны Большого Патриаршего переулка, переименованного к тому времени в Большой Пионерский, Демьянов, показав охране приглашение, прошел через великолепную «античную» колоннаду проездного двора и, почти бегом поднявшись по ступеням парадной лестницы, оказался в холле первого этажа. Все двери были распахнуты настежь. В музыкальном салоне знаменитый джаз-оркестр Александра Цфасмана исполнял популярный шлягер «Аллилуйя», в большой гостиной танцевали пары, а в парадной столовой звенели приборы и гудели людские голоса.

Демьянов не вошел ни в одни из этих гостеприимно распахнутых дверей. Вместо этого он отправился в малую гостиную, превращенную работниками посольства в библиотеку-читальню. В зале, без всякой меры увешанном нацистскими флагами и портретами вождей, собственно самих книг было немного. Всего несколько шкафов и полок, да и там едва ли не половина пространства была отдана под мраморные и терракотовые бюсты фюрера различных цветов и размеров.

Читателей в библиотеке не было. Лишь один человек в дальнем углу зала сидел за столом и что-то считал на трескучем арифмометре, записывая результаты в большой grossбух. Господин Ламла, по прозвищу Канцлер. Начальник хозяйственного отдела и секретариата посольства. Он командовал множеством служащих секретариата и архива, технических секретарей, машинисток и стенографисток, радистов и водителей, представителей службы безопасности и прочими немецкими и советскими работниками. Без него сложный экономический и технический аппарат посольства был бы обречен.

Но главное достоинство господина Ламла заключалось в умении обдывать дела сомнительного свойства, которые могли бы вызвать дипломатические осложнения, но благодаря его ловкости всегда сходили ему с рук. Ламла организовывал строго запрещенный советскими законами нелегальный ввоз из-за границы советских денег.

Дело в том, что в какой-то момент за рубежом скопились крупные суммы в рублях. Эти рубли западные банки скупали по цене, составлявшей лишь небольшую часть их стоимости, и продавали затем с огромной прибылью, но все же значительно ниже номинала таким людям, как господин Ламла, быстро осознавшим в этом гешефте свою шкурную выгоду. Ведь внутри СССР рубли имели нарицательную стоимость обычного платежного средства.

Сотрудники посольства могли обменять у Канцлера по спекулятивному курсу часть жалованья на советские рубли и увеличить свой доход раза в четыре. В результате даже начина-

ющие немецкие дипломаты, получавшие сравнительно скромное содержание, жили на широкую ногу, имея собственную повариху, прислугу и даже шофера с машиной.

Заметив склонившегося над ним человека, Канцлер вздрогнул и откинулся назад.

– Ох, господин Александр, вы меня напугали!

– Прошу прощения, господин Ламла, – развел руками Демьянов, – пришел как договаривались.

– Да-да, конечно!

Ламла немного помялся, размышляя, с чего начать.

– Должен сказать, наше сотрудничество, господин Александр, развивается вполне успешно. Мои клиенты очень довольны. Они переслали мне небольшой список пожеланий. Не желаете ознакомиться?

Демьянов взял протянутый ему листок с выписанными в столбик «хотелками» клиентов Канцлера. Мельком взглянув, он убрал бумагу во внутренний карман пиджака из синтетической ткани, получившей название «шагреновая кожа». Не каждый столичный щеголь мог позволить себе такой костюм. Демьянов – мог, ибо в кругу московской богемы имел прочную репутацию успешного «делового человека».

– В целом нет проблем. Но вот пасхальное яйцо Фаберже!

Демьянов с сомнением поцокал языком:

– Нет гарантий. Нужно время.

– Сколько угодно, господин Александр! Мои клиенты все понимают и торопить не будут.

– Это хорошо. Теперь об оплате.

– А что с оплатой? – насторожился Канцлер.

Демьянов сделал печальное лицо и грустно проронил, точно сообщал о плохом медицинском диагнозе:

– Мне нужна валюта. Можно рейхсмарки.

– Как валюта? Зачем рейхсмарки? – всполошился Ламла.

– Я же не спрашиваю, зачем вам яйца Фаберже? – парировал Демьянов, мило улыбаясь.

– Ну, дорогой мой, вы знаете мой курс? Один к десяти!

– Дорогой мой, – с той же интонацией ответил Демьянов, – мы ведь можем привязать сделку к золотому стандарту. Если не ошибаюсь, курс на сегодня две с половиной рейхсмарки за один доллар. Как вам мое предложение?

Ламла глубоко и надолго задумался.

– Вы умеете убеждать, господин Александр! – произнес он наконец. – У вас в семье не было немцев?

Демьянов отрицательно покачал головой.

– Предки матушки вышли из Польши в XV веке. Это единственные иностранцы в роду.

– Хорошо. Я передам ваши условия моим клиентам. Думаю, люди, покупающие такие дорогие игрушки, смогут обеспечить достойный процент нам обоим.

Ламла начал собирать бумаги со стола и уронил несколько листов. Демьянов ловко перехватил их на лету и невольно прочитал часть содержимого.

– Что это? Масло, хлеб, молоко, сыр, мясо, колбаса... Все это вы получаете самолетом из Хельсинки? Разве не дешевле закупаться прямо здесь, в Москве?

– Дешевле – не всегда лучше, – назидательно произнес Ламла, поспешно убирая бумаги в папку. – Вам, господин Александр, это должно быть понятно, как никому иному.

Демьянов деланно восхитился.

– Я понял. Доставка скоропортящихся продуктов на самолете стоит немалых денег. И главное, нельзя проверить, действительно ли продукты из Финляндии, а не с базы в Ступино. Это ведь Клондайк! Эльдorado! Снимаю шляпу! Вы мой кумир, господин Ламла!

Канцлер искоса посмотрел на Демьянова и сухо проворчал:

– Иногда вы пугаете своей догадливостью. Не стоит так откровенно раскрывать чужие секреты. Это не украшает лица честного афериста!

Закончив разговор с Канцлером, Демьянов прямо из библиотеки вошел в большую гостиную, где в тот момент пары танцевали фокстрот «Семинола». Осмотревшись и взяв с десертного столика бокал зекта¹, он не успел сделать и пары шагов, как получил удар локтем от самозабвенно погруженного в фокстротные плетения, кроссы и спины круглолицего парня, одетого в стиле милитари. Удар не был сильным, но его вполне хватило, чтобы содержимое бокала выплеснулось наружу. Реакции Демьянова хватило, чтобы увернуться и спасти драгоценный пиджак, а вот парню повезло меньше. Игристый напиток обдал его с головы до ног. Оставив растерянную партнершу, взбешенный фокстротчик крепкой рукой схватил Демьянова за плечо.

– Ты глаз лишился? – грубо прорычал он, свободной рукой отряхивая мокрый френч и галифе. – Видишь, люди танцуют!

Демьянов бросил удивленный взгляд на разбушевавшегося молодого человека.

– Простите, но это вы на меня налетели, а не я на вас.

* * *

Попытка «гнилого интеллигента» оправдать себя вызвала в душе обиженного парня настоящую бурю негативных эмоций, и он сразу перешел на какую-то причудливую смесь русского языка с блатной феней.

– Понты бьешь, баклан? Бирка у тебя имеется? Показал, быстро!

Демьянова такой поворот ничуть не смутил. При желании он и сам мог ответить подобным образом, но не стал, а только, понизив голос, холодно произнес:

– Отвали, гегемон. Здесь тебе не ментовка, чтобы права качать.

Продолжения ссора не имела. Фокстротчик вдруг замер. Глаза его хитро блеснули. Он осторожно, с опаской осмотрелся по сторонам и, вплотную приблизившись к Демьянову, тихо прошептал на ухо.

– Пока живи, гнида! Но в следующий раз я покажу тебе, чего ты стоишь в этом мире.

Произнеся свою угрозу, обиженный танцор резко отпрянул назад и мгновенно растворился в толпе, даже не взглянув на свою партнершу, все еще растерянно стоявшую посередине зала.

Демьянов, проводив грубияна ледяным взглядом, равнодушно пожал плечами и, бросив ищущий взгляд по сторонам, замер, пораженный. Она стояла за собранной изящными складками жаккардовой портьерой, облокотившись на широкий подоконник, и задумчиво смотрела в окно на пустынную в тот вечерний час Спиридоновку.

Демьянов ловко, одним движением, снял с подноса у проходящего мимо официанта два бокала рейнского рислинга и, лавируя между танцующими парами, подошел к таинственной незнакомке, по какой-то причине не принимавшей участия в общем веселье.

Девушка либо не заметила, либо не посчитала нужным обратить внимания на подошедшего к ней молодого человека. Она все так же молча стояла, глядя в окно, и лучи заходящего солнца играли на ее правильном, красивом лице непривычного для северных стран насыщенного бронзового цвета.

– Твои глаза – сапфира два, два дорогих сапфира.
И счастлив тот, кто обретет два этих синих мира.
Твое сердечко – бриллиант. Огонь его так ярок.

¹ В Германии игристое вино называется зектом.

И счастлив тот, кому пошлет его судьба в подарок.
Твои уста – рубина два. Нежны их очертанья.
И счастлив тот, кто с них сорвет стыдливое признание...²

Девушка вздрогнула, удивленно посмотрела на Демьянова и не приняла протянутый ей бокал. Вместо этого она скрестила руки на груди и сухо произнесла:

– Гейне – прекрасный поэт, только читаете вы его плохо.

Демьянов испытал легкий укол самолюбия, но виду не подал.

– Странно, мне всегда казалось, что стихи – моя сильная сторона.

– Вы себе явно льстили!

Девушка как-то очень обидно, чисто по-женски усмехнулась и красивым, хорошо поставленным голосом закончила начатое Демьяновым стихотворение:

– ...Но если этот властелин рубинов и алмаза

В лесу мне встретится один – он их лишится сразу!

Так и не приняв предложенный бокал, она снова отвернулась от настырного ухажера, продолжив рассматривать что-то на пустынной улице. Демьянов разочарованно поставил бокалы на подоконник, но не ушел. Холодность девушки распалила чувства молодого человека, лишив внутреннего равновесия. Ощущение, близкое к панике, сковало все тело и прошло по нему ледяными иголками. Ему показалось, что если он сейчас отступит, то потеряет то, о чем, возможно, будет жалеть всю оставшуюся жизнь.

– Чем же мне вас заинтересовать? Скажите, вы любите лошадей?

Вопрос застал девушку врасплох. Она развернулась всем телом и бросила на Демьянова удивленный взгляд:

– Допустим.

Демьянов оживился:

– Чудесно! Приезжайте завтра на ипподром. Я держу там скакового жеребца...

Договорить он не успел. Девушка перебила его нарочито вежливо и предельно отчужденно.

– Простите, завтра я занята, и все остальные дни – тоже.

Она взяла с подоконника один из бокалов, принесенных Демьяновым, и протянула ему со словами, в которых легко читалась колкая ирония:

– Обернитесь. Здесь достаточно женщин, ищущих легких приключений. Среди них без труда найдутся и те, кто по достоинству оценит все ваши таланты. Но это – не я. Вы просто ошиблись с выбором.

Молодой человек принял протянутый бокал и проводил растерянным взглядом надменную красавицу. Она вышла из гостиной, ни разу не обернувшись.

– Сашенька, голубчик! Ну нельзя же так с дамами. Вы бы еще сразу на конюшню позвали, – раздался за спиной резкий, слегка поскрипывающий голос.

Демьянов обернулся. Эпичный и авантажный, похожий на эталонного английского лорда Михаил Астангов³ стоял за его спиной и лукаво улыбался.

– Ах, Михаил Федорович, вы слышали? – сокрушенно покачал головой Демьянов.

– Случайно! – поспешил ответить актер, выставив перед собой открытые ладони. –

Хотите совет? – добавил он, царственным жестом поставив бокал девушки на поднос проходящего мимо официанта. – Танечка Березанцева – профессорская дочь, натура утонченная и своенравная. Эту крепость, мой юный друг, кавалерийским наскоком не взять, тут нужна дли-

² «Твои глаза – сапфира два» – стихотворение Генриха Гейне (1797–1856).

³ Михаил Федорович Астангов – советский актер театра и кино.

тельная осада! Помните, что говорила королева Марго? «В любви и на войне крепость, ведущая переговоры, уже наполовину взята».

– Вам легко говорить, – пожаловался Демьянов, – вы великий актер. Вас знает вся страна, вас обожают зрители. Сегодня Астангов – король Сигизмунд III, завтра герцог Лестер, а послезавтра Ромео. Я так не могу. Мне не хватает светского лоска и изысканных манер. Вот если бы вы согласились дать пару уроков...

Актер бросил на собеседника пронзительный взгляд и от души рассмеялся:

– Милый Саша, вас ничему учить не надо, у вас это в крови, голубчик. Просто больше уверенности, и все придет само собой...

Глава третья

Договорить Астангов не успел. Громко и торжественно завывли медные трубы оркестра. В зале возникли непонятная суета и движение. Все сотрудники посольства, одетые в национальные костюмы со смешными для русского слуха названиями «трахтен» и «диндрль», стали вдруг выстраиваться у входа в зал в две строгие параллельные линии, изображая живые шпалеры, украшенные цветами, хлебными колосьями, разноцветными лентами и нацистскими флагами.

Астангов оглянулся и удивленно воскликнул:

– О! Кажется, назревает что-то интересное? Пойдемте, друг мой, присоединимся к остальным гостям. Полюбопытствуем!

Прежде чем поспешить за старшим товарищем, Демьянов выглянул в окно. У тротуара стоял роскошный «Хорьх-853» с дипломатическими выпелами на капоте. Это означало, что из своей резиденции, расположенной в Чистом переулке, прибыл посол Шуленбург, а значит, торжество по случаю Дня благодарения приближалось к своей кульминации и скорому завершению.

В этот день в рейхе у горы Бюкельберг сам Адольф Гитлер совершал восьмисотметровое восхождение сквозь многотысячные ряды немецких крестьян, эсэсовцев и партийных функционеров к «алтарю урожая», у которого произносил зажигательные до экзальтации речи во славу великого народа Германии. Чествование крестьян и крестьянок тысячелетнего рейха, ведущих героическую и самоотверженную борьбу за пропитание народа, выражалось не только в хвалебных речах, адресованных сельским жителям, но и в подарках передовикам. Все это действо сопровождалось песнями, народными танцами и красочными театрализованными представлениями.

Посол Германии в России, граф Вернер фон дер Шуленбург, проходя сквозь ряды сотрудников посольства к подиуму с трибуной, украшенной венками и флагами, должен был повторить в миниатюре восхождение фюрера к алтарю на горе Бюкельберг. Но сделал он это слишком формально, без обязательного в рейхе энтузиазма. Пространная речь, произнесенная послом с трибуны, вообще показалась отдельным патриотам из числа сотрудников дипмиссии обычной казенщиной и чистой воды ригоризмом, что послужило пересудам на тему того, что Шуленбург, как и всякий аристократ, недолюбливал нацистов и лично фюрера. Впрочем, в рейхе до поры до времени такая позиция многим из них сходилась с рук.

Вполуха слушая бесконечно скучный спич посла, Демьянов невольно отвлекся на собственные мысли, сызнова переживая утреннюю встречу матери на Ленинградском вокзале...

Обтекаемый и страшно красивый, словно гость из далекого будущего, Коломенский локомотив 2–3–2, пыхтя парами, подошел к перрону двенадцать вагонов, выкрашенных в яркий синий цвет, с надписями объемными золотыми буквами на русском и английском языках – «Красная стрела». Красным экспресс был назван не за цвет, а за красоту – поскольку сильно отличался от большинства других составов. В первую очередь невероятным сервисом. Пассажиры за время девятичасовой поездки могли взять у проводника пашки, шахматы или другие настольные игры. В поезде имелись буфеты с уютными столиками, работал заказ ужина прямо в купе. В одном из вагонов находилась настоящая телефонная станция, из которой во время остановок в Бологом, Окуловке и Малой Вишере легко было связаться с любой точкой мира. Поскольку на «Красной стреле» ездили главным образом высокопоставленные советские и зарубежные чиновники, услуга эта была отнюдь не лишней и пользовалась большим спросом, особенно у иностранцев. К слову сказать, время отправления поезда – 23:55 – было установлено по личному распоряжению Лазаря Кагановича. Таким образом, он позаботился о командированных чиновниках, которые получали суточные за лишний день. Сколько в той истории правды, уже не имеет значения. Легенда – это всегда приукрашенная реальность.

Дверь одного из трех мягких вагонов открылась, и на перрон вышла еще довольно молодая женщина, весьма скромно, но изысканно и со вкусом одетая. У нее была изящная фигура балерины и прекрасное, словно сошедшее с открытки лицо голливудской кинодивы.

Старомодная широкополая шляпа «Хильперик» из черной итальянской соломы только оттеняла романтическую красоту и загадочность ее образа.

Женщина оглянулась по сторонам и растерянно посмотрела на молодого проводника в белых перчатках и аккуратно подогнанной форме, вынесшего вслед за ней на перрон два больших кожаных баула. Проводник в ответ вежливо улыбнулся и, отдав честь, скрылся обратно в вагоне.

– Матушка! – послышался за спиной до боли родной голос.

Александр Демьянов быстрым шагом, лавируя между пассажирами и встречающими, почти бежал по платформе, размахивая букетом белых роз. За ним, гремя неуклюжей тележкой на маленьких колесиках, вприпрыжку бежал пожилой усатый татарин в форменном фартуке и с жетоном грузчика на груди.

– Хозяин, куда бежишь? – кричал он. – Паровоз уже пришел!

Демьянов его не слушал. Захлебываясь от волнения, он подбежал, схватил руку матери и приложил ее к своим губам.

– Матушка, простите, я опоздал!

Свободной рукой она нежно погладила сына по гладко выбритой щеке.

– Ну что ты, Сашенька! Я так рада! Ты стал таким импозантным мужчиной!

У нее был красивый густой голос с мягким, бархатным оттенком и удивительным тембром. Она приняла букет из рук сына и, приподнявшись на цыпочки, поцеловала его в лоб. С широкой улыбкой на лице за этой картиной наблюдал татарин-носильщик. Со стороны могло казаться, что он сам встречал прибывшую гостью и теперь умильно щурился от не вполне объяснимой радости. Выждав приличествующее моменту время, носильщик осторожно постучал заскорузлым пальцем по плечу женщины:

– Хозяйка, поехали давай, да? Бешбармак дома кушать будешь!

Демьянов посмотрел на два баула, которые татарин уже пристроил на свою тележку:

– Это что, все ваши вещи, матушка?

– А много ли мне надо? – вопросом на вопрос ответила она и ласково улыбнулась.

Демьянов еще раз поцеловал матери руку и кивнул общительному носильщику:

– Давай к машине.

– Ой, йехше!

Носильщик сорвался с места, громко голоса какую-то веселую татарскую песню:

– Кубэлэк голлэргэ кунса,
Голлэр тибрэнэ микэн?
Ул да мине сагынганда...⁴

Люди, ошалевшие от весьма спорных музыкальных талантов исполнителя, вздрагивали и спешили отойти в сторону, организовывая ему свободный проход до выхода из вокзала.

– Кто это? – удивилась Мария Николаевна.

Демьянов пожал плечами:

– Носильщик, полагаю.

Мать тихо рассмеялась, иронично поведя бровью, и, взяв сына под руку, направилась вслед за вопящим «менестрелем». В каждом ее движении, таком естественном, виделись природный аристократизм, грация и королевская статья. словно греческая богиня спустилась

⁴ Татарская народная песня «Күбэләгем» («Моя бабочка»).

с Олимпа к простым смертным, дабы осчастливить их своим присутствием. Очевидно, почему эта женщина в начале века считалась первой красавицей двора и всего Санкт-Петербурга. И четверть века спустя она продолжала приковывать к себе внимание окружающих. Демьянов шел рядом с матерью и ловил себя на мысли, что ему чертовски нравится наблюдать, как мужчины и женщины оборачиваются и смотрят им вслед.

– Ты чем-то озабочен? – спросила Мария Николаевна, почувствовав едва уловимое, но не скрывшееся от матери напряжение в состоянии сына.

– С чего вы взяли? Конечно нет, – протестующе замотал он головой. – Я ожидал вас завтра и немного растерялся, получив ночью телеграмму-молнию.

В глазах матери появилась грусть:

– А я решила не задерживаться. Ты, кажется, мной недоволен!

Демьянов испугавшись, что сказал глупость, попытался исправить неловкость:

– Что вы, я безмерно счастлив! Просто это немного меняет мои планы.

Женщина понимающе улыбнулась и прижалась головой к плечу сына.

– Мне жаль, Саша! Но не стоит менять планы ради меня. Я же не уеду завтра. У нас впереди много времени!

На площади у вокзала находилось множество пролеток с извозчиками. Отдельно стояло два десятка машин, встречавших важных лиц.

Демьяновы подошли к самой роскошной из них, около которой толпилась добрая дюжина вездесущих мальчишек и великовозрастных зевак обоего пола, из праздного любопытства готовых часами, томясь от скуки и безделья, смотреть на что угодно и ничего при этом не делать.

Золотой Maybach Zeppelin с черными крыльями и такой же черной крышей выглядел царским экипажем в окружении ломовых телег. Багажник открылся с легким щелчком. Носильщик перегрузил в него чемоданы и замер в почтительном ожидании. Александр достал из нагрудного кармана пиджака толстое портмоне, набитое деньгами, и протянул татарину ассигнацию. Тот молча взял протянутые деньги и не сдвинулся с места.

– В чем дело?

– Хозяин, добавить бы!

– Как мы договаривались?

– То давно было. Маловато. У меня детишки. Кормить надо, однако!

– А я тут при чем?

– Возьмите, любезный! – Мария Николаевна протянула носильщику деньги.

– Мама...

Женщина остановила возражения сына властным движением руки.

– Возьмите. Покормите детей.

– Рехмет, мерхеметле хоным!⁵ – поклонился татарин, пряча деньги за пазухой. – Да ниспошлет тебе Аллах хорошего мужа!

Он бросил на Демьянова победоносный взгляд и направился обратно в здание вокзала, весело напевая:

– Кубэлэгем, тугэрэгем,
Асыл кошым, сандугачым,
Жырлап жибэрэ микэн...

Машина, шурша шинами, скользила по пустынной в тот утренний час Каланчевке в сторону Красных ворот. Мария Николаевна, сидя на удобном заднем диване из мягкой желтой

⁵ Спасибо, добрая госпожа! (тат.)

кожи, настороженно рассматривала шикарный салон автомобиля. Лицо ее при этом не выражало ничего, кроме растерянности. Наконец она не выдержала.

– Откуда у тебя такое роскошное авто?

– Это не мое. Я одолжил его у друзей.

– У тебя богатые друзья!

Александр неопределенно хмыкнул и бросил на мать через плечо короткий взгляд:

– Они у меня разные. Матушка, не против, если сейчас я отвезу вас домой и оставлю на время? У меня через час важная встреча в германском посольстве. А вечером приглашаю в новый ресторан при Центральном доме литераторов!

Мария Николаевна нахмурилась:

– Саша, откуда это? Роскошная жизнь, дорогие машины, посольства, модные рестораны. Ты живешь как нежданно разбогатевший лавочник. Что с тобой случилось? Я не узнаю своего сына!

Демьянов через стекло заднего вида бросил на мать смущенный взгляд и ничего не ответил.

Глава четвертая

Демьянов так углубился в собственные мысли, что не сразу почувствовал, что кто-то осторожно, но настойчиво дергает его за лацкан пиджака. Обернувшись, он бессознательно вздрогнул, лицом к лицу встретившись с бледной как смерть физиономией советника германского посольства Густава Хильгера. Худое скуластое лицо немца было неподвижно, как резиновая маска. Серая, словно подернутая дымкой кожа, узкие бесцветные губы и жидкие волосы, зачесанные назад. Первое время после своего знакомства с ним Демьянов не мог избавиться от ощущения, что разговаривал с ожившей мумией. Круглые очки советника в тонкой роговой оправе только усиливали это чувство.

Хильгер был совершенно незаменимым человеком в посольстве. Иосиф Сталин говорил о нем: «Главы немецких государств и послы в Москве приходили и уходили, но Густав Хильгер всегда оставался на своем месте...»

Будущий дипломат родился в Москве, в семье немецкого фабриканта. Мать и жена его были русскими, и большая часть жизни была связана с Россией, за исключением пяти лет учебы в Дармштадтском университете, где Густав получал диплом инженера. Однако Первая мировая война и революция все поменяли в судьбе этого человека, за короткий срок превратив почти русского инженера в образцового германского дипломата.

Демьянов познакомился с Хильгером на Московском ипподроме, где оба держали лошадей. За разговором ненароком выяснилось, что немецкий дипломат до войны был знаком с семьей Демьянова и даже входил в число поклонников его матери, в начале века считавшейся первой красавицей Петербурга. Общительный немец без труда вспомнил и Сашу, в ту пору трехлетнего малыша в белой матроске с черным отложным воротником в полоску. Демьянов, в отличие от дипломата, не мог похвастаться столь долгой памятью и Хильгера не узнал. Детство он провел в родовом имении отца под Анапой и в столичном Петербурге оказался перед войной, как раз в трехлетнем возрасте, так что не доверять словам нового знакомого у Демьянова не было оснований. Его семья в столице имела весьма обширный круг знакомств.

Позже, сидя на открытой веранде ресторана за бутылкой марочного армянского хереса «Аштарак», Густав Хильгер уже настолько проникся симпатией к своему молодому собеседнику, что доверительно сообщил ему о своей скорой поездке в Берлин и предложил передать от него письмо для родственников или друзей. В тот раз Демьянов благоразумно ушел от прямого ответа и просто поменял тему, как бы между прочим предложив дипломату совместную конную поездку. Хильгер понимающе улыбнулся и больше не возвращался к данному вопросу.

Полезное знакомство Демьянов продолжил и дальше, несмотря на сомнительную случайность их первой встречи и вполне реальные риски, проистекавшие от подобных контактов. Со временем их общение стало даже более тесным. Настоящей дружбой это не было, скорее приязнь и любопытство. Но именно благодаря им безвестный инженер-электрик с киностудии «Мосфильм» смог попасть в список столичной богемы, приглашенной германским посольством на празднование одного из главных национальных торжеств Третьего рейха.

Дипломат снял очки, при этом едва заметно скосив глаза в сторону узкой боковой лестницы, ведущей куда-то на второй этаж здания. Демьянов понимающе кивнул и неспешно направился в указанную Хильгером сторону. У выхода из зала стоял похожий на вышибалу официант в строгом черном френче, он бросил оценивающий взгляд на Александра и молча пропустил его, учтиво склонив голову.

Хильгер догнал Демьянова на лестнице и мягко взял под локоть.

– Мой друг, – произнес он с улыбкой, похожей на скорбную гримасу площадного мима, – не удивляйтесь, нам необходимо побеседовать, так сказать, приватно.

– Извольте, – кивнул головой Демьянов и, не произнося больше ни слова, проследовал за Хильгером.

Вдвоем они прошли анфиладу, ведущую в левое крыло здания, и оказались в крохотной приемной, представлявшей собой перегороженный коридор с мраморной лестницей в семь ступеней. Справа от лестницы стояла скульптура Адольфа Гитлера, почти в натуральную величину, слева – громоздкая композиция из свастики, окруженной лавровым венком, на котором восседал имперский орел со сложенными крыльями. У основания лестницы располагался черный стол, похожий на тумбу, за которым сидел молодой человек в штатском с выправкой кадрового военного.

При виде посетителей молодой человек резко вскочил и молодежески зиганул, выбросив вперед правую руку.

– Heil Hitler!

– Heil. – Хильгер сделал небрежное движение, лишь отчасти напоминавшее нацистское приветствие. – Paul, wo ist dein Chef?⁶

– Der General wartet auf Sie⁷.

Адъютант быстрым шагом поднялся по лестнице и распахнул дверь в кабинет начальника.

– Bitte!

Просторную комнату освещала подвешенная к кессонному потолку толстой цепью тяжелая люстра. Люстра была сделана в виде большого бронзового шара с двумя десятками ажурных рожков, каждый из которых заканчивался лампой, имитирующей обычную свечу. Окна были занавешены синими бархатными шторами. Таким же бархатом были задрапированы стены. Интерьер комнаты особым изяществом не отличался. Трехстворчатый дубовый шкаф с внутренними замками, черный кожаный диван, два таких же кресла, антикварный складной стул в стиле итальянского Возрождения и пара инкрустированных журнальных столиков. Но главной достопримечательностью кабинета был огромный, размером едва ли не в четверть комнаты, письменный стол.

Демьянов мог поклясться, что впервые видел столь грандиозное и бессмысленное по своим размерам сооружение. На краю стола сидел благообразный старик лет шестидесяти в форме генерал-майора вермахта и с любопытством взидал на вошедших.

– Эрнст, – обратился Хильгер к генералу по-русски, – позволь представить Александра Демьянова, о котором я говорил тебе прежде!

– Господин Александр, это Эрнст Кестринг – военный атташе посольства. Он недавно вернулся из Берлина и хотел бы с вами познакомиться.

Демьянов согласно кивнул:

– Извольте. Буду рад знакомству!

Рукопожатие было по-мужски крепким и долгим.

– Можем говорить на немецком. Я неплохо владею языком Гете!

– Не стоит, сегодня мы будем общаться на языке Пушкина и Толстого.

Старый генерал снисходительно улыбался. Его русский был безупречен!

– Волею провидения все мы родились в России!

– Вот как?

– Да, мой отец был управляющим имения графа Александра Васильевича Шереметева в Серебряных Прудах. А вы, молодой человек, кажется из Санкт-Петербурга?

– Не совсем, моя матушка из Питера, я там только учился. Моя родина – Кубань!

⁶ Пауль, твой шеф у себя? (нем.)

⁷ Генерал ждет вас (нем.).

– Я говорил тебе, Эрнст. Прадед Александра Демьянова – генерал Головатый, первый атаман Кубанского казачьего войска!

– Вообще-то бригадир, – поправил Демьянов.

– Да-да, я вспомнил, – рассеянно кивнул генерал и вкрадчиво заглянул собеседнику в глаза: – Скажите, Саша... я же могу вас так называть?..

– Разумеется!

– Скажите, Саша, кем вам приходится генерал Улагай?

Александр слегка смутился от прямого вопроса и потупил взор:

– Сергей Георгиевич – мой отчим.

– Прекрасно! Молодой человек, вам не стоит стесняться такого родства! За свою жизнь я не встречал более безупречного человека и доблестного воина, чем генерал Улагай.

Кестринг взял со стола фотографию и протянул Демьянову:

– Узнаете?

Александр бросил взгляд на снимок.

– Вы ошибаетесь, – холодно улыбнулся он, не делая попыток взять и рассмотреть его ближе, – это полковник Кучук Улагай, дальний родственник Сергея Георгиевича.

– Разве? – Кестринг с удивлением посмотрел на карточку, словно видел ее впервые. – Ну конечно же! – он рассмеялся и хлопнул себя ладонью по лбу. – Не то взял!

Генерал рукой указал на другую фотографию. На ней на фоне Эйфелевой башни стояли два генерала: Кестринг и Улагай.

– Это мы в Париже. Три года назад!

Весь дальнейший разговор шел о Москве, о погоде, о лошадях, о том, добавляют ли в столичное мороженое бараний жир, и о прочей ерунде. Через полтора часа непринужденной беседы у Демьянова сложилась полная уверенность, что встреча была организована исключительно для смотрин.

– Господа, – произнес он, почувствовав, что время, отведенное для общения, вышло, – уместно ли мне будет просить разрешения покинуть вас?

– Разумеется! – Кестринг добродушно развел руками. – Был рад знакомству! Надеюсь, как-нибудь вы покажете мне своего коня? Я ведь, молодой человек, бывший кавалерист и тоже обожаю лошадей!

– В любое время!

Демьянов улыбнулся и, пожав протянутые ему руки немецких дипломатов, направился к двери.

– Мой адъютант Пауль проводит вас.

После ухода русского немцы некоторое время молчали, прислушиваясь к звукам снаружи. Наконец Хильгер кивнул головой на закрытую дверь:

– Что скажешь Эрнст? Как тебе мой протеже?

Кестринг задумчиво посмотрел советнику в глаза и достал из шкафа пустую папку.

– Хороший юноша! Не жид, не полукровка. Настоящий русский дворянин с неиспорченной кровью! Но от вербовки пока воздержимся. Всею свое время, дорогой Густав.

Генерал положил папку на стол, взял ручку из письменного прибора и размашисто написал на лицевой стороне под большим красным штампом «Top Secret»: Agent Max.

– Почему Макс? – удивленно спросил Хильгер, заглянув генералу через плечо.

– В 1912 году в Падерборне⁸ у меня был конь Макс. Прекрасное животное, лучшее в своем роде!

⁸ Офицерская кавалерийская школа.

Глава пятая

Четверг. 16 января 1942 года. Окраина Можайска – Гжатск

Демьянова разбудила звенящая тишина. Тишина была абсолютной. Точно его поместили в железную капсулу и опустили на дно моря. Не слышно было ровным счетом ничего из того, что обычно сопровождает нас в жизни. Ни голосов людей, ни шума автомобильных двигателей. Мир снаружи оказался вдруг мгновенно замороженным каким-то неведомым оружием. Ледяная стужа закладывала уши и словно обручем сковывала голову. Даже пар от дыхания казался густым и плотным, будто замерзал на лету и превращался в иней, не успев осесть на что-то твердое.

Сквозь щель в досках сарая пробивался яркий солнечный луч, словно в призме, делившийся на все цвета радуги. В этом «праздничном» разноцветье искрились снежинки, падавшие с потолка. Снежинок было так много, что на полу уже образовался небольшой сугроб высотой сантиметров двадцать.

– Утро? – удивился Демьянов. – Сколько же я проспал?

Ответить на этот вопрос у него не было возможности, а выяснять у других не было желания. Да и не было никаких других. Его словно забыли. Возможно ли такое на войне? На войне возможно все! Но подспудно, где-то глубоко в сознании крутилась назойливая мысль: «А может, и нет никакой войны, и не было никогда, а я просто сплю?»

Впрочем, мысль была вздорной, и Александр отогнал ее, резко качнув головой, отчего шейные позвонки громко хрустнули и больно заломило в затылке. Война никуда не делась, она была рядом – здесь и сейчас. Подтверждением тому служило вонючее, окровавленное тряпье, из которого Демьянов соорудил берлогу. Каким бы тошнотворным в тот момент ни казался запах в его убежище, сейчас оно спасало ему жизнь, а к смраду в конце концов несложно и привыкнуть. Главное, не предъявлять слишком большие требования к собственному обонянию.

Тем не менее можно было сколь угодно долго философствовать, сетуя на превратности судьбы, – это никак не решало главных вопросов: почему его так долго держали в этом мерзлом сарае и что творится снаружи? Чтобы хотя бы попытаться ответить на это, надо было сделать над собою усилие и покинуть уже обжитую «берлогу».

Саша высунул лицо из вороха тряпья, и его мгновенно сковал мороз. Щеки онемели. В нос словно впились сотни тонких и острых игл. Казалось, даже глазные яблоки замерзли, превратившись в две мутные ледышки.

– «Сколько же сейчас градусов?» – с тоской подумал Демьянов и, собравшись с духом, выбрался наружу. Закутавшись с головой в относительно чистое верблюжье одеяло, он осторожно подобрался к двери и прислушался. Снаружи по-прежнему была тишина, будто там все вымерли или вымерзли, что более походило на правду. Неожиданно в этой почти абсолютной тишине он услышал скрип снега под ногами, и скрип этот приближался. Кто-то медленно шел в сторону гауптвахты. Демьянов резко отпрянул назад к «берлоге» и настороженно замер.

Раздался металлический скрежет ключа, проворачиваемого в замке. Дверь пару раз дернулась.

– Scheiße! Alles ist gefroren⁹.

Скрежет, сопровождаемый громким пыхтением, повторился вновь. На этот раз попытка оказалась удачной. Дверь резко распахнулась, запустив в помещение облако из мелких снежинок, похожее на утренний туман над рекой. Когда туман рассеялся, у пленника глаза полезли на лоб. Человек, стоявший в дверях, мало чем походил на непобедимого солдата тысячелет-

⁹ Дерьмо! Все замерзло (нем.).

него рейха. Сказать, что его внешний вид был странным, – значит сильно приукрасить действительность. Все выглядело намного хуже!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.